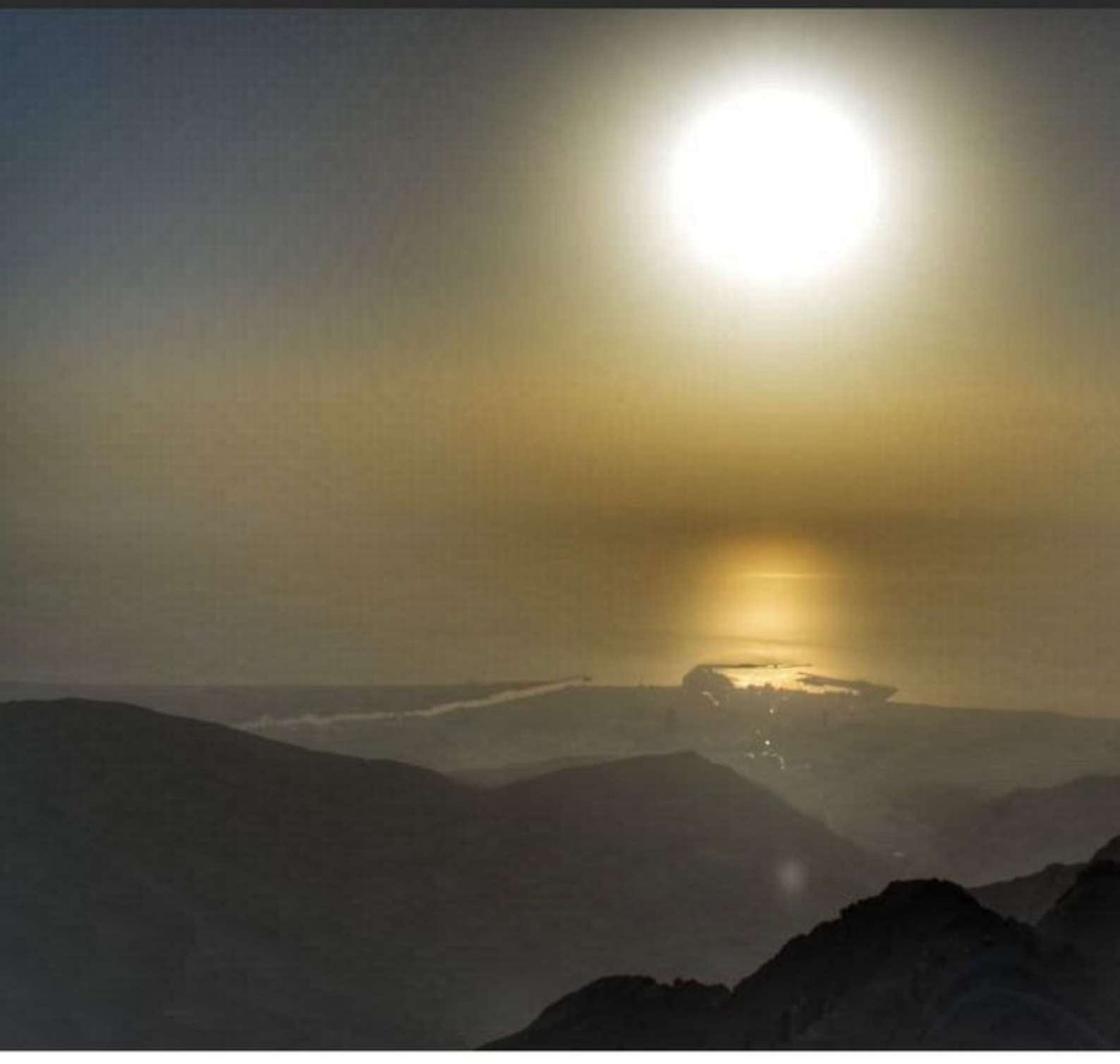

18+

Анче Колла
Он (а)

Анче Колла

Он (а)

«Издательские решения»

Колла А.

Он (а) / А. Колла — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516175-8

В начале была любовь... А был ли конец? Или все — сказка? И если да — то о ком? Двадцать одна вроде-бы-сказка о настоящей и настоящем, о кораблях, браслетах, туманах и изначальных именах... О «поздно», «насовсем» и «люблю». Замирайте, читайте, с любовью...

ISBN 978-5-00-516175-8

© Колла А.
© Издательские решения

Содержание

Любовь. История первая	6
Настоящая женщина. История вторая	7
Настоящий мужчина. История третья	8
Костяной браслет. История четвертая	9
Тамерлан. История пятая	10
Гертеншалль Северный Ветер. История шестая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Он (а)

Анче Колла

© Анче Колла, 2020

ISBN 978-5-0051-6175-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь. История первая

В начале была Любовь. Не солнце, не звезды, не ветер.

Не Слово.

Пусто было до самого края мира и обратно. И создала Любовь землю. И полюбила всем сердцем своё творение, и зажгла свет над ним, чтобы лучше видеть то, что любит. И оставила время для тьмы, чтобы смотреть не только глазами. И назвала свет днём, а тьму ночью.

И был вечер, и было утро: день первый.

И когда новый рассвет вынырнул из океанской глубины, увидела Любовь, как отражается вода в солнце, а солнце в воде – и, желая сохранить зеркальность, сказала «Да будет небо!».

И был вечер, и было утро: день второй.

В глазах Любви отражались синяя вода и золотое солнце. Смешались краски, затопило землю зеленью невысказанной. Травяным ковром, древесной стеной зашумели берега.

И был вечер, и было утро: день третий.

Но солнце правило лишь днём, оставляя без хозяйки ночь. Запечалилась тогда тьма. И Любовь создала ей серебряный оберег-Луну. На радость, на счастье, на покой. И поселила на окраине неба.

И был лунный вечер, и было утро: день четвёртый.

А когда родился пятый день, Любовь впервые вошла в океан по пояс. И от ее прикосновения ожила вода рыбами, китами, осьминогами суетливыми. Отразилась эта жизнь в небесном зеркале птицами быстрокрылыми.

И был вечер, и было утро: день пятый.

И так полюбила Любовь свой прекрасный мир, что захотела разделить его с кем-нибудь. И вышли из леса звери, и счастливы они были новому своему дому. Радость расплескалась по прибрежному песку. Озорным дельфином выпрыгнула к солнцу, повернувшему за закат. Океан засмотрелся в небесное зеркало, залюбовался разноцветьем вечерним. Глянула и Любовь в воду, и увидела своё отражение. Затихли звери на берегу, погодила Луна у кромки горизонта. И стало двое на земле. Любовь и ее отражение. Я и ты. Мы. Единое, но не одно. По ту сторону зеркала и по эту. О тебе я. Обо мне – ты. И о нас весь мир. А мир – это Любовь.

И был вечер, и было утро: день шестой.

Настоящая женщина. История вторая

Настоящая женщина выходит с рассветом к небу, чтобы встретить новый день. Ночь уйдёт сама, спешно собрав звезды в льняной мешок. Незаметно выскользнув за горизонт. Не прощаясь.

Женщина не смотрит ей вслед, недосуг.

Скорым пальцам пора вывязать радугу над рекой, солнечных зайчиков по водной глади, пряную зелень с полей... День – многоцветная пряжа. Ему без красок никак. И мелькает крючок в руках у Хозяйки Мира.

К вечеру пряжа теряет цвета, линяет по кромке горизонта на стыке моря и неба.

Женщина обнимает руками чашку горячего малинового компота и накидывает на плечи шаль. Ждёт.

Вот пряжа сереет, чернеет, в открытое окно залетают светлячки, и звёздами рассаживаются на вязании.

Ночь сама открывает дверь. Берет себе компота, льёт мёда побольше, и присаживается к огню.

Яркий день – суетное время. Знай себе, вяжи, успевай.

Ночь – для слов шёпотом.

Так и просидят до первых лучей. Вспоминая, пересмеиваясь, добавляя петли в вязаную темень. Каждая на свой лад.

И выйдет плетёный замысловатый узор из миллионов судеб.

Настоящая женщина любит Ночь за фантазию. Немало они навдумывали у этого очага такого, что и сами удивились!

А потому все есть в мире, о чем ни замечтай. Про каждую мелочь – отдельный вязевый узор.

И про тебя тоже – знаешь?

Настоящий мужчина. История третья

Настоящий мужчина смотрит вдаль. Не его забота – растаявший в сумеречной дымке день. И с Ночью не ему говорить о смыслах.

Он вдыхает соленый ветер, нутром чувствует особый крен судна, и готовится к буре.

Не его ли женщина придумала ненастье, чтобы сбить с ложного пути чей-то корабль, соединить дороги, досчитать до вечности? А раз так, то держи рулевое крепче, сворачивай снасти – Хозяйка Мира в ключья рвет любой парус, стоит ей разозлиться.

Такое случается не так уж и часто. Но раз в девять сотен жизней – непременно. А как ещё разбудить мертвецки спящих людей от зачарованных снов? Темнеет тогда зелёная рябь волн в ее глазах, молнии бьют в белые гребни.

Настоящий мужчина спешит на корму, наспех открывая и глаза, и сердце.

Только он и справится. Выведет корабль – и целый мир вздохнёт, выправится. Все расставится по местам. Уляжется в берега седой океан. Люди починят разрушенные стихией хибары, не впервой.

А капитан возьмёт уверенный курс домой.

Не сказать, чтобы ему по сердцу были штормы. Но без них не бывать и штилям.

А ещё – любит он её – свою настоящую. Подумаешь, волны до неба разогнала! На то он и Хозяин Мира, чтобы удержать порядок.

На то ему и сила в руках.

Костяной браслет. История четвертая

Он был молод, как утро. Он был стар, как море. Линии его рук хранили тысячи судеб, а глаза умели смотреть в самое сердце человеческого. С рассветом он отправлялся, куда ноги пойдут, чтобы узнать о мире ещё больше. А на закате прыгал с отвесной скалы среди прочих мальчишек, и всегда сходил за своего. Дети иногда догадывались, что все не так просто: когда новый друг нырял особенно глубоко и слишком долго мог быть под водой, не дыша. Кто-то даже заметил однажды, как успокаивается океан под его рукой, и размечтался о таком же костяном браслете на запястье. А взрослые никогда ничего не замечали. Недосуг им смотреть со скалы в прибой...

Он говорил всем подряд, что зовут его Хель. Кто постарше – забывали тут же, мало ли у них других забот! Но дети запоминали. А еще знали, что браслет нужен, чтобы ветру господином быть да русалку звать. Когда берег пустел, Хельда приплывала затемно на песчаную отмель поболтать о жемчужинах и потанцевать по лунной дорожке. Хель рассказывал ей все, что узнал о земле нового за день. Она – про то, чем море прожило до заката. Сейчас их время учиться. И учить тех, кто умеет слушать. Дети – самые внимательные существа в мире. Вот и живут на кромке волшебства.

Тамерлан. История пятая

Молодой месяц запрягал колесницу, лил ночь на серую степь. Ни шага, ни шороха, ни шелеста, ни шепота. Шатёр да гаснувший костёр под бесконечным небом... И двести тысяч спящих вокруг, и коней столько же – не подступишься!

А только снам нет преграды.

Неслышно отодвинулся полог, впуская Каньо. Человек под шкурой пошевелился, дёрнув калеченой ногой. И успокоился вмиг, когда тёплая ладонь легла на его щеку.

«Спи... поутру дальняя дорога, последний переход».

Запела. Едва слышна была песня, но разгладились морщины на суровом обветренном лице воина, улыбка чуть тронула губы.

«Спи, мой Тамерлан, спи... Дойдёшь до края, и я с тобой. Не дрогнет рука, не собьётся стрела, куда тетивой твоей буду. Обгонишь ветер, достанет силы. Построишь курган о великой победе, и будет слава твоя длинней вечности. Спи, мой Тамерлан».

Ледяной ветер ворвался в шатёр. Каньо знала: пора. Скоро проснутся дозорные от зачарованного сна. Обернулась к огромному волку. Засветились звезды по серому загривку, замерцали и в ее волосах следом. Шагнула, обняла шею зверя, рванулся тот прочь, пока солнце не встало, запрещая гулять по миру призракам.

Открыл глаза Тамерлан. И будто все ещё чувствовал тёплую руку на своей щеке. Приходила...

...Выступало в рассвет великое войско, и впереди всех шёл белогривый конь в золоченой узде. Мерно позвякивали монгольские стремена, качался в такт тяжелый колчан за спиной всадника. Привычно сурово вглядывался он вперёд, но на душе легко было и радостно.

Не отсрочить судьбы мольбами, не обогнать смерти на самом быстром скакуне. Тамерлан знал.

Но из этого похода он непременно вернётся с победой. Так сказала Каньо. Ему – жена, а Небыли – сестра родная.

Гертеншалль Северный Ветер. История шестая

Начало этой истории было сонно рассветным, стелило под ноги мокрый туман, что пластался по корягам и дорожной пыли, прибываемый солнечными брызгами к земле. Кое-где туману удалось отыскать тени за мшистыми выступами, и спрятаться в них. Ненадолго.

Люди же торопились во всю прыть человеческих ног – молодых и быстрых, старых и скрипучих. Спешили выбраться к голубой воде и большому кораблю. А оттуда – скорей бы домой!

Корабль тоже спешил. Тянул нетерпеливо канат, стонал мачтами, разминая смоленые бока по волнам, рвался на волю, туда, где только небо куполом от горизонта до горизонта и резвые касатки. Крепкая привязь держала надёжно, а не то давно бы сбежал корабль, не дожидаясь людей, и поминай, как звали! (В портах ходили меж кораблей разговоры об одном таком – якобы порвал тот якорную цепь и навсегда обрёл свободу).

Впрочем, одного человека любил он во весь парус – того, кто крепче прочих держал руль, нутром чувствовал мели, умел заговаривать ветер и касаткой свистеть на закате. Люди звали его Гертеншалль Северный Ветер. Говорят (или врут, но корабль слышал так от матросов), была с ним история – мол, привёл торговое судно домой из самого сердца океана, с порванными в ошмётки парусами после страшной бури, и быстро оно шло – будто невидимые руки толкали к родному берегу. А сам Гертеншалль стоял у руля и пел диковинную песню. И дул ей в унисон ветер с севера, и само собой плыло разбитое судно к безопасному причалу.

Большому кораблю ещё не доводилось видеть больших бурь, а и то не беда с таким рулевым, как Гертеншалль. Впрочем, какая тут непогода? Всего-то три дня и три ночи обратного пути, по знакомой до мельчайшего течения воде. Так, прогулка.

Высокое солнце гладило тёплыми лучами корабельные мачты, а из-за деревьев уже неслись голоса людей – вернулись. Стало быть, кончено ожидание.

...У всего на свете есть душа. Отчего бы не у корабля? Гертеншалль Северный Ветер знал. Как никто другой... А потому радостно было вернуться на борт.

Чужая земля – как ни прекрасна, а все же не дом. Пусть и недалекий остров-сосед, а все же не родной. И оттого особенно радостна обратная дорога! Взметнулись вверх крепкие паруса, привычно в руку лёг штурвал, засуетились матросы. Старики расселись на прогретой палубе, подставив морщинистые лица соленому ветру.

Истомившийся ожиданием корабль быстро набирал скорость привычным фарватером. И до самого заката, знай себе, мчал под стройные песни людей, подчиняясь тёплым любимым рукам. А ветер был южным, попутным.

Счастье корабля было бесконечнее вечногo моря. Ходовой полудрёмой, привычными течениями, под бубнеж старшего помощника о картах и рифах, под залиvistый смех и звон ромовых бутылок он шёл домой.

Как и всегда, на самую беззвездную пору паруса спустили. Смотрящий остался в рубке, а остальные расположились спать.

И вдруг тревожно стало кораблю. То ли от того, что Гертеншалль отпустил рулевое, то ли мрак был слишком плотным. Чёрное небо меж тем обняло чёрную воду, и крепко заснуло. Мир стих.

И вдруг почувствовал парусник крен, будто кто-то тянул его борт абордажной кошкой. Откуда бы? Матросы спали, смотрящий – хоть и не положено – тоже. Заплескал корабль волнами, заскрипел мачтами – Гертеншалль уж услышит! Куда там! Как заколдованные спали люди. А из темной темноты громадной скалой уже надвигался чужой корабль. Пираты? Захватчики? Сейчас перемахнут с борта на борт, и спящих враз одолеют! Но вот странность: никто не спешил с воинственными криками, не рвал паруса, не цеплялся за реи. Будто и вовсе не было команды на огромном судне. И как ни быстро нёсся он навстречу паруснику Гертеншалля – а не было столкновения. Будто сквозь прошёл. Призрак... Не тот ли самый, каким моряки по всему архипелагу пугают друг друга за доброй порцией рома в бесполезный штиль? «Отдай» – прошипело море вокруг, – «Покажи, который»

«Кто?» – чуть скрипнул палубными досками испуганный корабль.

«Рулевой. Теперь мой, остальных забирай, домой вези, целыми отпущу. Отдай рулевого»

От мачты до трюмов задрожал парусник. Немного морских миль исходил он за свою жизнь, но знал – нутром смоляным чуял – не ходить человеку живым по кораблю-призраку. А стало быть... Гертеншалль... Рванулся, что есть сил!

«Ах, так? Значит, всех возьму» – зашипел жуткий чужак. Белая ледяная морось поднялась с самого дна и до неба, затопила палубу, рубку, спущенные паруса. Дернулся корабль, стряхивая смертельную пелену, не пуская к людям. Но та снова вцепилась в дощатые перекрытия.

Первым навстречу нави выскочил помощник, паля из револьвера, да картой размахивая. Миг – и замертво упал. «Не тот...» – прохрипел корабль-призрак. И потянулся к мальчишке-юнге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.